

ОЛЕГ ГЕНИСАРЕТСКИЙ

МЕЖДУ ВЫЖИВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ: ВОЗРАСТНЫЕ СОСТОЯНИЯ, МОТИВАЦИИ И АФФЕКТЫ В СТРУКТУРЕ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК

Смыслообраз возрастных состояний

Обобщенный смыслообраз возрастного состояния мы хотели бы задать так, чтобы он:

1* сохраняя счетную определенность человеческого возраста, отвечал свободным целесообразностям складывающихся сегодня поколенческих практик[1];

2* имел прямое экзистенциально-прагматическое значение, то есть был непосредственно проживаемой реальностью и, среди прочего, обладал мотивирующей, рефлексивно-критической и аффектирующей способностью;

3* и, наконец, искомый смыслообраз возрастных состояний должен соответствовать основным методологическим установкам той гуманитарной стратегии, которой мы в данный момент придерживаемся в своей социально-антропологической практике[2].

Что нужно, чтобы одновременно реализовать эти три методологические установки в одном смыслообразе возрастного состояния?

Как минимум, соотносить возрастную событийность жизнедеятельности человека – с его витально и социально структурированной исторической событийностью. Метафорически выражаясь, возрастные состояния человека - с историческими возрастами человечества![3]

«История не является экспериментированием, - писал Ж. Делёз, явно указывая последним словом на деятельностное отношение к природе и обществу, - она представляет собой совокупность условий, которые делают возможным экспериментирование с какой-либо вещью, ускользающей от истории. Без истории это экспериментирование оказалось бы неопределенным, необусловленным, но само экспериментирование не является историческим. ... Становление не является историей; история имеет значение только совокупности условий, которые недавно существовали, но от которых отклоняются, чтобы «стать» (вырасти, развиться, созреть и состояться – О.Г.), т. е. чтобы сделать какую-либо новую вещь»[4].

Таким образом, путь от событийной изменчивости становления к мучительно искомым возможностям свободного *само*определения и *само*развития, к историческому *авто*поэзису человеческих сообществ лежит через институционально структурированный процесс социально-исторической трансформации деятельности. Путь от онтологически сознаваемого становления к развитию лежит через деятельность и процесс её социально-исторической трансформации. Признав историческую изменчивость деятельности, приходится признать и экзистенциально-прагматическую суть возрастных состояний человека.

На Красноярском Форуме поколений 2003 г. с нажимом говорилось, что главным пафосом молодежной политики, к которой привязывалась поколенческая проблематика, должно стать единство поколений. Учтя русскоязычную двусмысленность слов «пафос» и «патос» (страсти, порой – болезненной и греховной), я не думаю, что особо хороша власть, занимающаяся выращиванием патогенных пафосов. Смыслы, образы и чувства мне больше по душе и как ученому, и как гражданину.

Мы живем во время, когда мышление, исследование, проектирование – занятия массовые. Потому думать, что можно организовывать деятельность и управлять ее развитием исключительно через целеполагание (манипулирование интересами), игнорируя смыслы и работу с ними, - в высшей мере наивно. Думать, что минуя понимание, ценностное согласие, народ с энтузиазмом побежит что-то делать – сущее притворство.

Поскольку мы идем в школы, университеты, аспирантуры для того, чтобы со смыслами так же свободно обращаться как с иными материями, нужно уметь - в рамках каждой релевантной проблемы (поколений) - создавать условия смыслообразования, действия со смыслами/мыслями, управляться с ними. В этом сейчас наибольший управленческий дефицит. Если в чем и стоит упрекать наличную власть, то это в её *бессодержательности*, неумении работать с когнитивными реальностями вообще и с когнитивными институтами, в частности.

Где институционально позиционируема молодежная политика?

Молодёжная политика – задача популярная, часто упоминаемая, но не имеющая четко обозначенной прописки в системе правовой политики. Молодёжной политике не находится места в политическом пространстве. Если Вы просмотрите повестки дня подразделений, которые занимаются политическим планированием, то легко убедитесь, что молодежная политика в них присутствует далеко не на первых местах, а, как правило, ближе к концу. Да, мы в ответ на все вызовы наловчились создавать соответствующие

комитеты, на худой конец - подкомитеты. Есть проблема – будет комитет, комитет будет жить, будет привлекать и осваивать средства, а эффективность его деятельности будет измеряться ростом его кадров и расходов. Типичный административный способ реагирования на появление новых проблем. И самый лучший способ от этих проблем избавиться: проблему «расписать», распределить и раздробить, а по сути – ликвидировать, обесмыслив её. Ведь иначе за неё придётся отвечать.

Работать с проблемами, которые за три-четыре года не решить, мы не любим: они возможности скороспелого роста не дают. Л.Н. Гумилёв говорил: в Великой степи, где мы с вами обитаем, уважением пользовались только *люди длинной воли*, те, кто способны мыслить и принимать решения, располагая себя в большом историческом времени, работая с длинными преемствами, с ценностно-насыщенными (обогащенными) управленческими сущностями. И в этом состояло профессиональное достоинство политика и государственного мужа. Не бояться длинных проблем, адекватно их принимать и внятно чувствовать, что по этому поводу стоит говорить. Видать, если такие люди и есть в государстве нашем, видно, руки у них до молодёжной политики не дошли.

Я так думаю: главное для чего Форум поколений понадобился теперь в новом формате - это определиться с институциональным местом молодёжной политики.

Даже заведомо предполагая целесообразность особой молодёжной политики, вовсе не обязательно оформлять ее организационно-административно. Известно, что далеко не во всех странах есть Министерства по делам молодёжи. У нас же налицо обособленная проблема и декларированная потребность в особой политике, при ее фактическом отсутствии. А если признать эту потребность управленчески осмысленной, где её институциональное место, в каких властных структурах? Где возможен по поводу неё гражданский диалог? По-моему, это главный вопрос, который надо бы включить в повестку дня Форума.

За последние лет пять в наших политических кругах получил остро модную известность концепт социального партнерства. Скорее всего, благодаря надеждам на сближение интересов государственной власти, гражданского общества и большого бизнеса[5]. Хотя исполнение его относится в отдаленное будущее, толковать о социальном партнерстве на прикармливаемых бизнесом Форумах и Ярмарках стало хорошим тоном.

Есть ли место для молодёжной и/или поколенческой политики в стратегии социального партнерства?

Можно ответить «да», если не забывать, что главная социальная функция концепта «социальное партнерство» давно опознанная «новой левой» и профсоюзами, – это маскировка ухудшающегося положения наемного труда (особенного, молодёжного) в мире уходящих из под национально-государственной юрисдикции транснациональных корпораций.

На тех гражданских Форумах, где мне довелось участвовать за время работы в ЦСИ ПФО (в том числе на недавно прошедшем в Нижнем Новгороде Российском гражданском форуме) это было за версту видно. Конечно, куда удобней открыть пяток компьютерных классов в регионе, чем и зачислить себя в представители «социально ответственного бизнеса», чем обеспечить прозрачность ведения своих дел в регионах, чем отстраивать согласованные с профсоюзами, основными партиями и местными правозащитными организациями стандарты экологической и социально-гуманитарной политики. Удобней на Ярмарке социальных и культурных проектов выложить лишний миллион у.е. на нужды уже вставших на ноги НКО, чем решать волнующие их молодёжные проблемы – с помощью современных управленческих инструментов - на федеральном или окружном уровнях.

Я не говорю, что не надо «малых дел», что сам по себе концепт социального партнерства не плодотворен. Он сыграл свою роль в 60-е годы в мире и в 90-е у нас в России. Но надо отдавать себе отчет в его конформистской социальной функции: «социальное партнерство» отнюдь не нейтральная в идеологическом отношении конструкция. Ставка на него ведет к существенным деформациям восприятия социальных ценностей и критериев социальной эффективности (в любой сфере деятельности): к социальному параморфозу, социальным симулякрам, прерыванию социального развития.

Теперь вопрос, который предлагается обсудить и на который надо ответить: молодёжная (она же поколенческая) политика также мыслиться нами в рамках социального партнерства? Это - социальная политика, и ее обязательно надо позиционировать в коридорах соответствующего Министерства и подведомственных ему социальных службах? Или у неё другая природа?

На томском Форуме поколений 2001 года я начал излагать генеалогическую схему смыслообраза поколения, утверждая, что возраст, поколение, межпоколенные отношения имеют не столько социально-групповую, сколько институционально-гендерную природу. Оно принадлежит *гологенному*, - а по русски выражаясь,

к *цельнородному*, - измерению жизни, к области родового сознания, родовых отношений и родовых практик [6]. Поколение – не сообщество общающихся между собой людей одного возрастного диапазона, а цельная телесно-родовая общность вместе рождающихся, брачующихся и умирающих человеческих существ. *Знаками* общительности поколения являются «моменты» сдвоенного диахронно/синхронного времени, проявляющиеся в инициатических событиях (инцидентах) так называемых *ритуалов перехода*.

А потому можно сказать, что поколенческая политика – в первую голову *институционально-гендерная политика*. Правда при этом придется допустить, что с параметрами родового порядка можно управляться, не нарушая хотя бы подразумеваемых принципов гуманитарной корректности. А лучше, снабдить их инструментами сознания (понимающего мышления) и *информированного согласия*.

Мы, граждане своей страны, не просто «души населения», не элементы «антропо/структуры» поколений. Здесь, в России, наше место рождения и жизни, мы рождены в своей стране, уроднены ею природой и языками/народами, вплетены в узор населяющих её родов и народов.

Поколения, как и всякая иная естественно-родовая сущность, суть *жизнеспертная* реальность. Поколение – это когда мы рождаемся, брачемся, про-из-водим на свет Божий своих потомков, и друг друга хороним. Подтверждаем свою принадлежность к одному и тому же поколению, собираясь на свадьбы, дни рождения и похороны. Ведь при рождении-то никакого поколенческого самосознания у нас нет. Мы его обретаем по мере вхождения во взрослую жизнь, растающую к сени смертной. Глядя из обратной жизнеспертной перспективы, называвшейся также «смертной памятью», мы сознаем себя в поколенческой реальности.

Для гуманитарно-политического и гуманитарно-технологического освоения поколенческих реальностей нужна другого рода социология и политология, чем те, с которыми мы привыкли иметь дело применительно к повседневной социальной жизни. Проблемы отцов и детей, связи поколений, культурно-ценностной преемственности образа жизни – все это мужские версии вопросов, задаваемых из мира отношений рабства/господства, мира заведомо несчастного сознания. На самом деле родовые сознания, отношения, практики и единства – область, куда это более широкая и захватывающе интересная. И практически многообещающая [7].

Поэтому и трудно поколенческую политику институционально позиционировать, что она не укладывается в устоявшиеся социально-экономические схемы. Её объект естественнее интерпретировать, с одной стороны, в онтологических схемах пространственного развития (и земского самоуправления), а с другой, в схемах социально-гуманитарной антропологии и экологии.

Часто звучавшие на красноярском Форуме поколений слова о социальных ценностях, способных поддерживать межпоколенную синергию (*сработничество*), я не склонен воспринимать только как проявление идеологической ажиотации. Нам действительно надо вместе ощутить себя в своей стране, страну, в которой мы живем, как свою страну, страну своей судьбы. А не как административно-территориальную мегамашину, для которой мы – пушечное мясо, рабочая сила, исправные налогоплательщики или субъекты платежеспособного спроса. Если это еще возможно для нас, посильно для наших искалеченных сердец и умов – ощутить страну как Родину и Отечество.

Надо найти слова, чувства и ценностные основания для межпоколенного странового единства. Потому что во всем остальном, мы – люди достаточно оспособленные и опытные: что нам стоит написать концепт или построить стратегию с заданными параметрами, организовать очередной Форум, знамёна сшить в ближайшем ателье мод и ... вперед!

Когнитивно-иконическая семантика

и историко-генеалогические альтернативы самоопределения

Еще один горизонт, в котором приходится поколенчески самоопределяться – это наследие (культурное, нравственное, духовное). Причем определяться не столько интеллектуально, сколько экзистенциально-онтологически (по наличной сути дела).

Самоопределяться, отвечая на вопрос: а что же все-таки произошло, происходит и, главное, будет происходить с моей страной, моей землей, моим родом/народом? Что сулят мне, моим детям и внукам все эти «социальные партнерства», «ответственные бизнесы» и «президентуры»? Что мы, как наследники, наследуем из прошлого, чему последуем в настоящем и что преследуем в будущем?

Речь, очевидно, идет о понимании *наследия как основы жизнеспособности*, от которой производны работоспособность (производительность труда) населения и соревновательная конкурентоспособность экономики страны.

Сближение гуманитарно-экологических взглядов на культурное наследие с расширенным социально-гуманитарным истолкованием капитализации в последнее время происходило по линии занятий проблематикой идентичности.

Поскольку она касалась широкого спектра идентичностей, - не только культурных, но также социальных, этнических, региональных, гражданско-государственных, конфессиональных и т. д., - гуманитарно-экологические воззрения на наследие постепенно приобрели проектно-стратегическое и культурно-политическое значение. Его можно подытожить в трех утверждениях:

1* Культурное наследие - понимаемое как смысловая, целевая и правовая преемственность жизни и деятельности людей и их сообществ, - является основой их жизнеспособности [8] .

2* Культурно-экологическое видение роли наследия близко управленческому пониманию роли капитализации в практике корпоративного управления: отсюда, кажется, возрастающий интерес к концепциям культурного капитала, культурным ресурсам и человеческому потенциалу регионального развития.

3* Культурное наследие - важнейший стратегический ресурс развития, проектно-стратегическое освоение которого составляет приоритетную задачу методологии стратегического мышления и деятельности.

В этой тройственной перспективе ближайшей методологической перспективной можно считать сближение гуманитарно-экологического понимания связи наследия и жизнеспособности - с практикой стратегического управления региональным развитием, нахождение достаточного (для практического сотрудничества) согласия в понимании смысла, целей и критериев оценки программ культурного развития.

Но ясно сегодня, что согласие, спрос на которое только возрастает, не будет достигнуто ни путем манипуляций общественным мнением, ни путем подковёрных потуг политического планирования.

Речь идет о согласии более глубоком – об оправдывающих и завершающих развитие ценностях и мотивах, об убеждениях и воле к доверию, о согласии мировоззренческом и мироустроительном, в конце концов, - идеологическом.

Сегодня, когда среди гуманитарных технологов в большом ходу логистика разных типов капитала: помимо финансового, учетными стали человеческий, социальный, культурный, символический, а иногда даже духовный капиталы.

Спрашивается: какие перспективы мысли и деятельности открываются после *перемолотки* культурного наследия в терминах культурного капитала и капитализации? До какой степени вообще осмыслена подобная речь? Сохраняет ли она исходные интуиции, из которых когда-то выросла сначала идея культуры, а затем и культурология, как предметная дисциплина?

Из опыта повседневной жизни известно, что когда даже ближайшие родственники завещают какое-то имущество, мы всё равно проходим процедуру *вступления в права наследования*. Факт наличия наследия, он сам по себе не обеспечивает нам права быть наследниками. Можно также вспомнить, что само по себе наличие природных ресурсов, пока они находятся в земле, не делает нас богаче. Их еще надо разведать, извлечь, обогатить, переработать, прежде чем в нашем доме появиться, компьютер или кондиционер. Так и с культурным, и с духовным наследием. Да, исторически у нас за плечами тысячелетняя история, полная творческих свершений и исторического опыта. Но введение его в коммуникативный оборот требует огромной работы. Так обстоит дело и со вступлением в права наследия.

Современная Россия возвела свое юридическое правоприменение к Конституции 1922 г., признав тем самым и Брестский мир, и распад исторической России, и отделение Церкви (а теперь и культуры) от государства. Оторвав себя от той России, символы которой мы сегодня исподтишка вновь вводим в оборот., К примеру, восстанавливая во Владивостоке Триумфальную арку в честь возвращения цесаревича Николая II из кругосветного путешествия. Или празднуя 100-летие прославления во святых преп. Серафима Саровского, возвращая Церкви Сарово-Дивеевскую обитель. Когда же мы определимся, вхождения в права какого наследия мы ждём, наследниками чего чаем быть, кем хотели бы стать?

Если своего духовного выбора поколение не делает, оно вольно или невольно становится либо поколением предателей, либо самозванцев [9] . И тогда «чума на оба ваши дома»!

Национальная забава у нас такая - самозванство. Привычка походя говорить от имени поколения, края, народа, Церкви и Бог знает кого еще. А ведь это очень тонкая материя - быть представителем, действовать «от имени» и жить «перед лицом».

Итак, речь идет о возможностях самоопределения:

* в рамках определенного поколения (и возрастного состояния);

* посредством когнитивных смыслообразов и соответствующего их материи образа мысли;

* в социально-гендерном (родовом) горизонте;

* да ещё и непременно в пространстве/времени наследия и наследования.

А в целом - о выборе своей **схемы жизни**, своей пространственности и событийности её. Об умении искать, выбирать и строить. Так я объясняю себе, почему молодёжная политика не находит своего когнитивно-институционального места. Найдёт, уверен в этом!

Хотя ищется с трудом, потому что дело идет о родовой, глубинной и жизненно сложной реальности возрастных состояний. Так же как местные сообщества, живущие в городе. Вот мы берем физическую карту мира - что на ней изображено, вспомните? Горы, моря, реки и... города. Там нет стран и нет регионов, но есть города, где люди живут поколениями. И поселения, и поколения – бытийно-становящиеся «естественно-подлинными», аутентичные сущности.

Проектность после фантазма и трансгрессии

А еще можно поставить вопрос так: в каких стратегических и методологических форматах возможно прорабатывать объекты, заданные когнитивно-иконически (подобные смыслообразам возрастных состояний)? И тут я вновь обращаюсь к названию моего доклада, в котором есть слова “между выживанием и развитием”, «мотивацией и аффектом». Можно было бы еще добавить «недостачей и избытком», указать на *состояние достаточности*, соотнести его с экзистенциально-онтологическим соответствием ... но тогда есть риск полностью позабыть исходные интуиции, заставившие нас искать смыслообразы возрастных состояний. Мы не настолько утописты, чтобы не понимать, что говорим сегодня большей частью о выживании, а не о развитии. Но стратегического реализма ради, стоило бы не упускать эту растяжку.

Если брать поколенные идентичности в их повседневной проявленности, они, похоже, относятся к разряду *теневых, фонофых* идентик, лишь косвенно, отраженно сознаваемых на периферии сознания. Когда в силу интенциональной направленности на предмет желания возрастное состояние форсируется, оно разряжается серией интенсивных фантазмов, особенности которых неплохо описываются в терминах трансгрессии и *нуминозности* [10].

Развитие тогда принимает вид стремления к достижению «некоего первоначального качества, которое можно так же представить как возвращение к представлению (фантазму) о первоначальном состоянии ... полноты жизненных ощущений, переживаний. Это состояние, создавая новые реальности, присутствует как воспоминание, как фактор изменений, как целеполагание и реконструируется. Разнообразие вещей и жизненных порядков обеспечивается их уходом/возвращением. Ритм – повторяемость этих движений – залог устойчивости системы (желаний – О.Г.) во времени, аналог равновесия» [11].

Конечно, без установки на развитие говорить об изменении наличной ситуации не приходится. Но если когнитивная составляющая возрастного состояния – это фантазм, то с какой формой проектности мы тут имеем дело? Уже даже не с утопической, а скорее с галлюцинаторной! Думая об этом каждый раз вспоминаешь все поминаемую студенческую революцию 1968 года с ее: «Будьте реалистами – требуйте невозможного!» Понимая с какими «машинами желаний» мы на Форуме поколений имеем дело, приходится вновь и вновь задаваться вопросом о предпочтительных для межпоколенной коммуникации формах проектности.

Как сохранить упование на Форум поколений, как школу проектного всеобуча? Если все пока чему-то и научились – так это заполнять грантовые заявки, писать проекты и бизнес-планы, формировать команды и проводить обучающие тренинги. Следующий шаг – к полноформатному проектному менеджменту и IT-организации распределенной по партнерским сетям работы.

А уже потом, - а для кого-то с этого «потом» все и начнется, - прямая психопрактическая по технике работа со смыслообразами своих возрастных состояний, с их психоматикой и процептикой [12]

И наконец...

Развитие избирательно, оно не тотально, и не покрывает всех и вся. В нем всегда одни находят лучшее место, другие - худшее. Одни успешны, другие не очень.

Избирательность то же самое что и исключительность. А исключительность - это когда мы кого-то исключаем.

Некоторые социальные группы, некоторые поколения считают себя исключенными: “нам, мол, нет места в этой жизни”. То поколенческое сознание исключенности, о котором на нашем Форуме говорил Александр Попов, было с предельной философской определенностью заявлено тов. Гегелем в «Феноменологии духа» под именем «несчастливого сознания»

Несчастное сознание – искусственно культивируется нашим исходным пониманием задач молодежной политики, цель которой формулируется как преодоления недостача (каких-то ресурсов и ценностей).

А вот библейский Псалмопевец Давид изъяснялся иначе, начиная "от избытка сердца". Это принцип счастливого сознания.

Нам многое дано, чему мы способны радоваться, и за что способны благодарить. Как только мы говорим, что в основе деятельности лежат потребности, лежит нехватка, что у нас «чего нехватишься, ничего нет», так мы попадаем в лапы несчастного сознания.

Всегда будет чего-то не хватать: времени, средств, здоровья, желания... Это, с позволения сказать, «естественный исток» несчастного сознания. Оно культивируется миром супермаркета. Но, как гласит латинская пословица: "Соблазняется тот, кто склонен к соблазнению".

Кто-то заранее исключён, кого-то мы сейчас исключаем. Говорят, все человеческое конечно, а неизбежные исключения – издержки развития. Тот мир без исключенных, о котором говорил Александр Попов, - не утопия ли?

Но это не значит, что исключенность нужно культивировать. Когда молодой начинающий менеджер, промышленный в районе первой тысячи у.е., говорит: "мы - правящий класс, он делает ставку на свою исключительность и на исключение всех остальных. Чувствуете терпкий вкус классового интереса?"

М. С. Горбачёв однажды удачно, хотя и грустно, пошутил: "Политика нынешней власти - это политика эвтаназии". Видимо имея в виду, что большая часть народа этой власти не нужна, она живёт от топливного экспорта, и для нее будет даже лучше, если избыточное население не надо будет кормить. Нужны только охрана и прислуга, остальные пусть по возможности тихо вымрут. Это он и назвал эвтаназией. Такое вот пародийное изложение хваленной исключенности.

Сначала предательства совершаются в сердцах и умах, сначала изобретается хитроумная схема «решение проблем», а уже потом кто-то оказывается исключенным.

Когда к семейному терапевту-расстановщику приходит клиент и просит помочь в решении какой-то семейной проблемы его спрашивают: кто в вашем роду, в вашей семье оказался исключенным? Найдите его, восстановите разрушенную цельность своих отношений с ним, и вы устраните источник вашего семейного неблагополучия. Исключение одного – болезнетворно для всех.

Так что может миротворчество, гражданский мир, соборная цельность, о которых упомянул А. Попов, все же полезны, как социально-терапевтическая устремленность политики?

И целительной в них является как раз опора на родовые отношения, действия и сознания.

Хватит жить как приговоренные и ждущие приговора (об исключении), чувствовать себя условно расконвоированными узниками. Пора вступать в права наследования своей страны.

Если межпоколенная цельность, синергетические эффекты реализации возрастных состояний – про-исходят от родового сознания/действия, естественными партнерами поколений будут все иные естественно-правовые состояния: местные сообщества, этнокультурные общности, духовные общины. Всё, что схоже с поколениями по своей когнитивно-коммуникативной структуре, что по уровню *цельности* (*integrity*) сопоставимо с реальностями смыслообразов.

И наша задача, как людей не безразличных к делам мысли и воли, ценящих способность выносить суждения и принимать решения, состоит в том, чтобы научиться выражать присущие нам чувства поколенческого достоинства на профессиональном проектном языке. Уметь переводить свои жизненные приверженности - и в проектные суждения и решения.

А теперь позвольте мне выполнить главное из доступных мне сейчас родовых действий - *поблагодарить* Вас за внимание, *извиниться* за мой утрированный интонационный нажим в своей поколенческой определенности и пожелать успехов в ремесле нашей непростой, но увлекательной жизни.

[1] О свободной целесообразности в структуре «мышления образами» см.: Бахтин М.М. О спиритуалах (К проблеме Достоевского). Собр. соч. т. 6. М., 2002. Самое важное в свободной целесообразности, по-видимому, то, что человек-творец «это не образ творца (пресловутый «образ автора»), а именно «творец», не бытие (данная действительность, нечто готовое), а творческая деятельность, не могущая застыть в данности. *Это не человек-тело, а человек в теле, превращающий в инструмент* и свое тело и все, что в нем есть данного, наличного, бытийного» (с. 368).

[2] Понимать, что такое самообразы и что благодаря им творится с в человеческой жизнедеятельности, я предлагаю в рамках когнитивной семантики, без «онтологического принуждения».

Тут *смыслообраз* понимаются как результат когнитивно-иконической репрезентации (представления) и

манифестации (выражения, предъявления). Смыслообраз, во-первых, заведомо *перформативен*, то есть сам представляет умственному взору свою образность, свой семиотический статус; во-вторых, им констатируется *идентичность* того лица, самообразом которого он является; и в третьих, он *интенционален*, то есть говорит о раскрытости лица, его готовности к выходу за пределы самого себя (философ сказал бы – к трансценденции, к трансгрессии). А методолог – о готовности к самоопределению. О готовности, но еще не о способности!

[3] То, что это не совсем произвольная метафора, видно хотя бы из кантовского определения Просвещения как совершеннолетия человечества. Этой теме М.Фуко посвятил цикл своих размышлений под же названием «Что такое Просвещение?», о чем писала.: Светлана Табачникова. Мишель Фуко: историк настоящего // Мишель Фуко. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 396 - 443.

[4] Жиль Делёз. Переговоры. 1972 – 1990. СПб., 2004. С.217. Заметим на полях, что из этого, «нового левого» взаимопонимания становления и истории Делёз делает радикально-революционные выводы: «Единственный шанс для людей – в революционном становлении, которое только и может погасить их стыд, ответить на невыносимое» (там же).

[5] Из последних более или менее осмысленных работ: Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания. Потребители, менеджеры, лидеры общественного мнения и эксперты оценивают роль бизнеса в России. М.: Ассоциация менеджеров, 2003.

[6] Генисаретский О. И.: Культурно-психологическое измерение Евразии // Евразийская перспектива. Второй Международный конгресс «Культура и будущее России»2. М., 1994; Семья, волшебный сказ и все такое // Гуманитарный симпозиум «Открытость и сообщаемость культур. М.: Институт гуманитарного партнерства «Путь», 1998; О возможностях опыта философствования // Сибирские философские школы. Новосибир., 2002; Гуманитарные стратегии и практики // Поколенческий дискурс в практиках самоопределения. Томск. 2002; .

[7] Все сказанное выше уходит корнями в намеченную свящ. Павлом Флоренским *гуманитарную генеалогию*, являющуюся частью его незавершенного богословско-гуманитарного проекта антроподицеи. Свящ. Павел Флоренский. Философия культуа (Опыт православной антроподицеи). М.: Мысль, 2004. Лейтмотивом гуманитарной агиологии о. Павла, типологически отделяющим его генеалогические воззрения, от воззрений Ф. Ницше или М. Фуко могут служить слова: «Нет никакого сомнения, жизнь рода определяется своим законом роста и проходит определенные возрасты. Но нет сомнения также и в *свободе*, принадлежащей роду, - свободе столь же превосходящей мощью своего творчества свободу отдельного представителя рода в среднем. Кроме того, в какие-то сроки и в лице каких-то отдельных представителей рода это самоопределение его получает чрезвычайные возможности. Род стоит тогда у дверей собственной судьбы» (Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 209). Наше методологическое намерение состоит в реструктурировании поколенческой политики на основе социально-гендерного моделирования генеалогической схемы возрастных состояний.

[8] Более подробно тема «жизнеспособность и наследие» обсуждалась на площадке «Гуманитарные стратегии и практики» Форума «Стратегии регионального развития», проходившем в 2003 г в г. Казани[1]

[9] Упоминаю здесь бегло о предательстве и самозванстве, как о двух возможных, хотя и не обязательных выходах из ситуации *пост-* или *пред*идентичности, Идентичности в нашем случае можно понимать именно как экзистенциально-онтологическое соответствие, и как предельную выразительность. Есть много свидетельств того, что ситуация экзистенциальной непрявленности, при онтологической неопределенности, осмыслялась в России после 1917 года именно в терминах предательства (и революционного самозванства). Позитивной альтернативой тому могли быть каноническая верность Церкви, воинской присяге или однажды выбранному профессиональному призванию, но кто сейчас возьмется сказать, какая из этих «схем жизни» оказалась бы более реалистической и плодотворной? Да и в каком смысле об этом можно говорить, «пока это, то есть предательство, не станет для тебя метафизической проблемой», как сказал один из героев романа А.М.Пятигорского «Вспомнишь странного человека...». М., 1999. С. 41?

[10] Мишель Фуко. О трансгрессии // Танатография эроса. СПб., 1994.

[11] Наталья Фомичева. Практики посредничества, или от идентичностей к компетенциям (www.regionforum.ru).

[12] Четыре учетных уровня креативно-антропологической концессии: 1* Проектная аналитика (в технике погружения). 2* Артдизайн (в том числе, экспо- и эко-...). 3* Психосинтез. 4* Процепция/инкультурация.

На всех уровнях – презумпция сохранения личностной цельности во всех предлагаемых судьбой мирах (экзистенциально-прагматическая идентичность).

На границе между вторым и третьим уровнями будут спонтанно проявляться *культурные травмы и дискатастрофы* (неустранимый эффект всякой групповой динамики).

Третий уровень – для емпсихии и психоакмеологии. Начиная с него экодраматические события – это события фазциации в нуминозных полях.

Четвертый уровень – для автопоззиса и перфективного практиса. Подробности в материалах мастер-классов «Личностный рост / Ремесло жизни» на нашем сайте WWW.PROMETA.RU.

Опубликовано в гуманитарном альманахе: ЧЕЛОВЕК.RU. № 5 (2009). С. 141-150. Написано по следам доклада на Форуме поколений (в Красноярск 2003).